

РЕЦЕПЦИЯ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ СОВРЕМЕННЫМ
ЧИТАТЕЛЕМ РУССКОЙ КЛАССИКИ

Николай Сергеевич Артёмов

студент Вологодской духовной семинарии
160901, г. Вологда, ул. Монастырская, д. 2
NikArtLerm@yandex.ru

Для цитирования: Артёмов Н. С. Рецепция библейского текста в русской классической литературе: Проблема восприятия современным читателем русской классики // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 28–47. DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.002

Аннотация

УДК 82.091

В исследовании рассматривается русская классическая литература с позиции православного христианского мировоззрения, отмечается первостепенная роль литературы в России как средства сохранения библейского текста и устоев Восточной Церкви. Уделяется внимание и иной, ложной трактовке текстов русской классики, внедрённой в литературоведение и в сознание людей в XX веке — в эпоху отрицания религии на государственном уровне и открытой борьбы с ней. Исследование опирается на тексты таких классиков, как Пушкин, Лермонтов, Достоевский и Пастернак. Цель исследования заключается, во-первых, в стремлении проиллюстрировать на примере выбранных авторов тезис о том, что русская классическая литература в своих лучших проявлениях — вся библейская, она пронизана христианскими архетипами, изобилует прямыми цитатами из Священного Писания; во-вторых, в попытке проследить то, как соответственно эпохе библейские мотивы всё более и более проникали в тексты писателей, из чего делается вывод об особом промыслительном значении отечественной письменности. Таким образом, исследование приходит к следующему заключению: лишь сквозь призму христианского учения можно в полной мере осмыслить содержание текстов отечественной литературы.

Ключевые слова: русская классическая литература, православное христианство, библейские мотивы, промыслительное значение.

Reception of the Biblical Text in the Russian Classical Literature

The Problem of the Russian
Classics' Perception by Contemporary Readers

Nikolay S. Artemov

Student at the Vologda Theological Seminary
2 Monastyrskaya Street, 160901 Vologda, Russia
NikArtLerm@yandex.ru

For citation: Artemov, Nikolay S. "Reception of the Biblical text in the Russian classical literature: The problem of the Russian classics' perception by contemporary readers". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (6), 2022, pp. 28–47 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2022.6.1.002

Abstract. The study examines the Russian classical literature from the position of the Orthodox Christian worldview; it notes the primary role of literature in Russia as a mean of preserving both the Biblical text and the foundations of the Eastern Christian Church. Attention is also paid to a different, false interpretation of the Russian classics' texts, introduced into literary studies and into people's consciousness in the 20th century, in the era of the denial of religion and open struggle against it at the state level. The research is based on the texts of such classics as Pushkin, Lermontov, Dostoevsky and Pasternak. The purpose of the study is, firstly, to illustrate by the example of the selected authors the thesis that the Russian classical literature is all-Biblical in its best manifestations, it is full of the Christian archetypes, abounds in direct quotations from the Holy Scriptures; secondly, to make an attempt to trace how, according to the epoch, Biblical motives can be often found in the texts of these writers, and there can be drawn the conclusion about the special providential significance of the national written language. Thus, the following conclusion is drawn in the study: only through the prism of the Christian teaching it is possible to fully comprehend the content of the Russian literature's texts.

Keywords: Russian classical literature, Orthodox Christianity, Biblical motives, providential significance

Русская классическая литература возникла из европейской традиции, переняв от неё некоторые художественные приёмы и архетипы персонажей, однако сущностное наполнение у русской словесности было совершенно иным, ведь все особенности секулярной западной литературы нового времени в отечественном пространстве вступили в тесное взаимодействие с православным мировоззрением, веками определяющим духовную сущность России¹. Благодаря такой заранее уготовленной почве русская литература XVIII–XIX веков явилась невероятным синтезом из литературных методов, которыми пользовалась европейская письменность, и догматических положений христианства восточного образца. Очень точно по этому поводу высказался Николай Бердяев, отметив, что «вся наша литература XIX века ранена христианской темой <...> В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью»². Эту истину, несомненно, очень трудно принять человеку, смотрящему на отечественную литературу с позиции вполне светской, с позиции мёртвого материализма, из-за чего он лишается возможности соприкосновения с целым культурно-историческим пластом, повествующим о самом важном: о религиозном восприятии всего сущего, что для русского человека всегда было основой бытия: «Христианство есть единственное убежище Русской земли от всех её зол»³.

История становления отечественной литературы — это, как ни прискорбно, история постепенного отвержения Бога и, что особенно удивительно, возвращения к Нему. Возникнув из вполне светской и далёкой от христианства европейской словесности, наша литература сразу вступила в тесное общение с религией. Наиболее яркий ранний результат этого общения — ода Г. Р. Державина «Бог». Затем наступает золотой период: трудятся величайшие поэты первой половины XIX века — А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов; а также прозаики этого периода — Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров и другие.

Однако параллельно их творчеству на русской почве развиваются идеи философов Эпохи Просвещения, посеявших семя безбожия, скептицизма, «лжеименного разума», как выражаются святые отцы, что приводит

1 Дунаев М. М. Православие и русская литература в 6 ч. Ч. I–II. М., 2001. С. 3.

2 Бердяев Н. А. Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Минск, 2011. С. 378.

3 Достоевский Ф. М. Письмо Н. А. Любимову // Ф. М. Достоевский об искусстве: статьи и рецензии, отрывки из «Дневника писателя», письма, из записных тетрадей и записных книжек, из художественных произведений, из воспоминаний о Ф. М. Достоевском / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Богданова. М., 1973. С. 437.

к оформлению первых революционно-демократических кружков, взаимодействовавших между собою, имевших своих идеологических лидеров, точнее, вдохновителей, которые в большинстве своём являлись публицистами и литературными критиками: Белинский, Герцен, Огарёв, Чернышевский и другие. Как следствие, подобные негативно настроенные по отношению к имперской власти образования имели в обороте собственную, можно сказать, подпольную литературу, официально запрещённую, но, впрочем, свободно выпускавшуюся за границей. Так слово стало средством выражения богоборческих тезисов, из совокупности которых на западе позднее произойдёт и оформится марксизм.

И тем не менее, русская художественная литература во второй половине XIX века, пожалуй, переживала период наивысшего развития и славы, приблизиться к которому в позднейшие времена уже не получилось и, вероятно, не получится никогда⁴. В этот период творили такие авторы, как Толстой, Чехов, Салтыков-Щедрин, Фет, Тургенев, разумеется, Достоевский и многие другие.

Марксизм сломил Россию в 1917 году, о Боге на уровне государственном было приказано забыть. Когда же крах марксистской идеологии стал очевиден практически для всех, люди начали возвращаться к христианству, и первоначально многие делали это посредством русской классической литературы, которая в своих лучших проявлениях — вся библейская.

Так выглядит краткая история русской литературы в изложении православной литературной критики⁵. Можно проследить, как удивительно и последовательно обнажалось её назначение: стать спасительным маяком для заблудшего народа, ведь именно в этом и заключается, с точки зрения христианского мировоззрения, сама суть великой светской литературы: быть в первую очередь «детоводителем» (Гал. 3, 24) к Главной Книге из всех, когда-либо написанных, и, таким образом, — к Самому Богу.

Определив в самом общем виде исторические вехи русской литературы, можно приступить к самим текстам. Творчество авторов (отобранных, в первую очередь, по принципу общеизвестности и общепризнанности) необходимо, конечно, рассматривать в хронологической последовательности, чтобы проследить то, как, соответственно эпохе, художественный текст всё более и более насыщался библейскими мотивами, как он буквально запечатлевал в себе, порой целыми отрывками,

4 Бердяев Н. А. Дух и реальность. С. 378.

5 Дунаев М. М. Православие и русская литература. С. 3–11.

чистый текст Священного Писания, проливая его свет на ближайшие к нам времена. Пожалуй, в этом отражена сущность действия промысла Божьего в России, стране великой литературы, живущей ею вот уже более двух столетий. Русская литература, как уже было отмечено, была призвана как можно в большем объёме впитать в себя сам библейский текст и дух библейского нравственного совершенства, чтобы сохранить их. Однако этот взгляд на отечественную литературу не кажется верным довольно большому числу современных читателей. Различие мнений естественно для человеческого сообщества: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1Кор. 11, 19). Но касательно данного вопроса всё обстоит иначе: речь идёт о сознательном отрицании христианства и даже борьбе с ним со стороны огромного числа людей. Корни проблемы уходят в устоявшиеся клише, внедрённые в практику преподавания литературы (и не только литературы) в XX веке, которые призваны заставить обходить стороной или иначе трактовать тексты, содержащие в себе недвусмысленную проповедь Христа, — с этим в наше время необходимо бороться, чтобы не повторять страшный опыт минувших поколений.

Повествование начнём с Александра Сергеевича Пушкина — автора, в себе явившего воплощение того, что Н. С. Гумилёв позднее назовёт «симфонией религии и культуры»⁶, — поэзии, которая есть, по слову ещё одного замечательного поэта, «религии небесной сестра земная»⁷. Пушкин, будучи, как верно заметил Ф. М. Достоевский, подлинным пророком, был и «всечеловеком», «воплотившем в себе всю Русь»⁸.

Обратимся, например, к произведению «Станционный смотритель» из цикла «Повести Белкина». Повесть в сюжетном плане — отображение притчи Господа Иисуса Христа о блудном сыне. Александр Сергеевич, живописуя через повествователя «смиренную обитель» главного действующего лица, обращает особое внимание читателей на серию картин, украшавших покои Самсона Вырина: «Они изображали историю блудного сына»⁹. Эта деталь позволяет человеку, знающему текст

6 Злобин Ю. В. Николай Гумилёв. М., 2013. С. 68.

7 Жуковский В. А. Камознс // Жуковский В. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Баллады. Поэмы и повести. М.; Л., 1959. С. 426.

8 Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880 август. Глава вторая. Пушкин (Очерк) // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 439–440; Анастасий (Грибановский), митр. Пушкин в его отношении к религии и Православной вере. Мюнхен, 1999. С. 11.

9 Пушкин А. С. Станционный смотритель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М., 1949. С. 88.

Евангелия, легко предугадать, к какой развязке придут судьбы героев. И тем не менее, Пушкину удаётся поддерживать интерес к истории.

Вырин являет собой образ отца, любящего, смиренного; Дуня символизирует блудного сына: она, как и герой притчи Господней, покидает родной дом, оставляет отца, предпочитает блеск и роскошь *дальной стороны* (Лк. 15, 13). Невозможно не прочувствовать, насколько по-евангельски звучат следующие слова станционного зрителя: «Авось, <...> приведу я домой заблудшую овечку мою»¹⁰. В них заметен явный референс к ещё одной притче Иисуса Христа — о заблудшей овце. *Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдёт за пропавшею, пока не найдёт её?* (Лк. 15, 4). Так и главный герой пушкинской повести отправился на поиски дочери.

Вырин, конечно, не тот отец, о котором говорит Господь в притче своей, ведь в ней отец — это Бог, ожидающий обращения к Себе человека, порабощённого страстями. Нет, станционный зритель — простой человек. В этом, можно предположить, и заключается замысел повести: переосмыслить сюжет притчи Христа, показать иную плоскость взаимоотношений (уже между людьми), которые есть начало общения с Творцом: *Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец* (Ин. 4, 20). Лишь смерть Самсона Вырина заставила Дуню опомниться и пролить покаянные слёзы над могилой отца, а что они были именно таковыми, сомневаться не приходится, ведь для Александра Сергеевича всего важнее было в произведениях приводить героев к духовно светлому концу, даже если он и не кажется таковым на первый взгляд. Для автора, прекрасно знающего, что ничего нет дороже для человека на земле, чем покаяние и отпущение прошлых прегрешений, для возобновления общения с Богом, так важно своё душевное настроение передать и читателю. Подтверждение тому целый ряд лирических творений автора, проникнутых мотивом покаяния: «Воспоминание», «Отцы пустынники и жёны непорочны», «В часы забав иль праздной скуки», «Странник» и т. д.

Ещё одно произведение Пушкина, несомненно, вдохновлённое библейским сюжетом, — стихотворение «Пророк». Лирический герой стихотворения был призван точно тем же образом, что и пророк Исайя. Библейские стихи пророческой книги (Ис. 6, 5–9) настолько созвучны пушкинским строкам, что никаких сомнений не остаётся касательно того, какой отрывок и из какой книги Библии так впечатлил автора.

10 Пушкин А. С. Станционный зритель // Указ. соч. С. 93.

Таким образом, отбрасывая в сторону суждения материалистические и подойдя к вопросу с точки зрения христианства, резонно будет заключить, что Пушкин — это, можно сказать, первый выделившийся проблеск Света Истины в светской культуре имперской России, совершенно точно ниспосланный Богом. Так точно и кратко отразил эту мысль Н. В. Гоголь, сказавший о Пушкине, что он «есть явление чрезвычайное и, быть может, единственное явление русского духа»¹¹. Явление, запечатлевшее в себе Священное Писание и посланное в ту пору, когда вокруг России и Церкви Христовой уже начали сгущаться тучи.

Пушкин становится как бы образцом для подражания для будущих поколений, которые, впрочем, очень поздно стали его понимать: «Я осуждён на смерть и позван в суд загробный — // И вот о чём крушусь: к суду я не готов, // И смерть меня страшит»¹². Это строки из стихотворения «Странник», которое люди, не знакомые со Священным Писанием, снова вольны трактовать каждый на свой манер. Меж тем Александр Сергеевич, как и всегда, даёт прямые указания, через какое стекло надлежит смотреть на его произведения: «Спешил перебежать городское поле, // Дабы скорей узреть — оставя те места, // Спасенья верный путь и тесные врата»¹³. Лирический герой заканчивает своё поэтическое повествование словами о спасении, которое открыто, но войти туда, в лоно Истины, надлежит «тесными вратами». Данное выражение — прямое цитирование слов Спасителя из Нагорной проповеди: *Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф. 7, 13).

Следующий автор, к поэтике которого прикоснёмся, — это Михаил Юрьевич Лермонтов. В контексте библейского сюжета о Лермонтове невероятно трудно говорить, это вызвано влиянием целой плеяды статей критиков-скептиков, считавших Лермонтова либо не христианином, либо вовсе безбожником. Так, например, Владимир Сергеевич Соловьёв оценивал Лермонтова как предтечу Ницше¹⁴. Однако насколько несправедливо данное заключение, опровергнуть которое можно одним только фактом написания Михаилом Юрьевичем стихотворения «Пророк»¹⁵.

11 Цит. по: Достоевский Ф. М. Дневник писателя. С. 425.

12 Пушкин А. С. Странник // Пушкин. А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2: Стихотворения 1823–1836. М., 1959. С. 442.

13 Там же. С. 442.

14 Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. Лица. Критические статьи о литературе. Т. 1. М., 2018. С. 170.

15 Нестор (Кумыш), игум. Тайна Лермонтова. СПб., 2012. С. 25.

Отношения у Лермонтова с религией действительно были непросты, в этом он являет полную противоположность Пушкину. По мнению Дмитрия Мережковского, «Пушкин — дневное, Лермонтов — ночное светило русской поэзии»¹⁶. Путь Пушкина, несомненно, вернее: он обещает здравие, уверенное пребывание в лоне Церкви Христовой, а лермонтовский может увести в сферу отрицания и непонимания, даже романтизации порочности человеческой, если подходить к изучению его творчества без христианского мировоззрения. Ведь тогда все упреки поэта, брошенные в сторону земного бытия, имеют исключительно вредоносный для души характер, так как только вводят её в состояние скорби и тоски, убеждая в бессмысленности жизни земной. С позиции христианской всё обретает совсем иное наполнение: жизнь земная, как замечательно прочувствовал поэт, действительно является юдолю печали и страданий: несовершенен сам человек в своём нынешнем состоянии, когда он подвержен тлению и влиянию страстей: «Душа сама собою стеснена, / Жизнь ненавистна, но и смерть страшна, / Находишь корень мук в себе самом, / И небо обвинить нельзя ни в чём»¹⁷.

Творчество Лермонтова, может быть, и не содержит особенного, лежащего на поверхности библейского сюжета, но оно вообрало истинно библейский дух и опыт богообщения одной души, которая мечется из стороны в сторону и сама не знает, чего она хочет. Теплохладность, о которой сказано в Апокалипсисе Иоанна Богослова, есть та болезнь, которую Лермонтов прочувствовал в своём поколении, о которой он упоминает и в «Думе», и в предисловии к «Герою нашего времени». Он эту болезнь указал, чувствует, что и сам заражён этим недугом, но как исцелится? — «это уж Бог знает»¹⁸.

Нет сомнения, что автор полагал благом «прилепиться» (Пс. 72, 28) к Господу, но он, подобно святому Аврелию Августину, как будто всё время повторял: «Дай, но только попозже»¹⁹: «Но угаси сей чудный пламень, / <...>/ Тогда на тесный путь спасения / К Тебе я снова обращусь»²⁰.

Можно согласиться со словами Мережковского, написавшего, в силу его собственных, далеко не православных воззрений, пусть и спорную

16 Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. С. 168.

17 Лермонтов М. Ю. 1831-го июня 11 дня // Лермонтов М. Ю. Смерть поэта: стихотворения, поэмы. СПб., 2020. С. 81.

18 Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 456.

19 Августин Аврелий. Исповедь. М., 2020. С. 179.

20 Лермонтов М. Ю. Молитва // Лермонтов М. Ю. Смерть поэта. С. 28.

статью о Лермонтове, но содержащую в себе абсолютно точное определение критерия, с помощью которого только и можно верно понять поэтику автора: «Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь кроме здешней жизни, мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть. Иначе в жизни и в творчестве его всё непонятно — почему, зачем, куда, откуда, главное, — куда?»²¹. Без вечности, вне Бога теряется как сам Лермонтов, так и его наследие, это понимал и сам Михаил Юрьевич, в зрелые годы своего творчества полностью отошедший от идей, волновавших его в юности. Поздняя поэзия Лермонтова — это, несомненно, примирение окончательное с самим собой и с Господом, потому что практически последнее, что успел написать Лермонтов, — это стихотворение «Пророк» — единственное, быть может, творение автора, явно написанное под вдохновением от Священного Писания: *так знали и пророков, бывших прежде вас* (Мф. 5, 12). Господь Иисус Христос этими словами даёт понять, что последовать Ему — значит не иметь «града нынешнего, а взыскать грядущего» (Евр. 13, 14). Именно к этой истине, несомненно, и приходит Лермонтов на исходе своей жизни: поэт — это пророк, потому что бывает таким же непонятым окружающими, одиноким в душе, таким же гонимым.

Если Пушкин ощущает призвание Господом в середине своего жизненного пути, то Лермонтов — в самом его конце. Причём он, имея за плечами горький опыт общения и с близкими, и с государственной властью — причиной чему было как непонимание со стороны общества, так и его личные противоречивые черты характера — прекрасно понимал, что его пророческая доля иная, что он обречён только на гонение с его «железным стихом»²².

Строки лермонтовского «Пророка» отсылают нас не к какой-то конкретной библейской личности, а, можно сказать, к истории всех праведников, потому что и пророки «были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления» (Евр. 11, 37–38), и апостолы, свидетельствовавшие о Христе до последнего вздоха, во имя Его приняли страдальческую смерть, как и мученики, на сердцах которых также было написано имя Иисусово, и, в конце концов, сам Господь, который «уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Флп. 2, 7–8).

21 Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. С. 195.

22 Лермонтов М. Ю. Как часто, пестрою толпою окружен // Лермонтов М. Ю. Смерть поэта С. 243.

В самую глубь христианской жизни заглянул автор, проживший, как и Пушкин, на свете совсем немного, на что, несомненно, была всеблагая воля Божия. Для Пушкина смерть была блаженна потому, что он принял её как христианин, успев прибегнуть к Священным Таинствам Церкви: исповеди и причастию. Как встретил смерть Лермонтов, который около четырёх часов пролежал под горой, в груди которого «дымясь чернела рана, / и кровь лилась хладающей струёй»²³? — неизвестно. Но, верится, что Господь не просто так на высочайшей ноте, на истинно христианских стихотворениях «Выхожу один я на дорогу...» и «Пророк», положил конец земному пути поэта.

О Фёдоре Михайловиче Достоевском сказано уже так много, что, с какой стороны ни подойди к рассмотрению творчества автора, — обязательно обнаружится, что кто-нибудь этого вопроса уже коснулся. И, тем не менее, о Достоевском нужно писать и говорить, как Церкви необходимо постоянно повторять непреходящие истины Евангелия, чтобы насыщать ими сердца людей.

Достоевский, по слову митрополита Илариона (Алфеева), в русской художественной литературе абсолютно самобытен, не сопоставим по глубине проблематики его произведений ни с одним другим автором²⁴. Это действительно так: в творчестве своём Фёдор Михайлович не боялся прикасаться к самым больным местам человеческой сущности. Но, обнажая мрак и ужас человеческого бытия, автор всегда даёт и ответ, в чём причина этого состояния падения и где страждущей душе искать спасения.

Если мы вспомним о «символе веры» автора, изложенном в письме Наталье Дмитриевне Фонвизиной (февраль 1854 г.)²⁵, то осознаем, что лишь в вере Фёдор Михайлович находил покой для своей души, прошедшей через столько мучений, за которые автор впоследствии искренне благодарил Господа. Достоевский, проведя четыре года в «мёртвом доме», имея при себе одну единственную книгу — Евангелие, на собственном опыте познал, что есть ровно два полюса человеческой жизни: быть со Христом или вне Его, и потому «символ веры» автора — это выстраданное исповедание Христа Спасителем, *путём, истиной и жизнью* (Ин. 14, 6) — и в этом кроется главный лейтмотив творчества писателя, пронизывающий практически все его тексты.

23 Лермонтов М. Ю. Сон // Лермонтов М. Ю. Смерть поэта. С. 287.

24 Иларион (Алфеев), митр. Евангелие Достоевского. М., 2021. С. 6.

25 Достоевский Ф. М. Письма. 39. Н. Д. Фонвизиной. Конец января — 20-е числа февраля 1854. Омск // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15: Письма. СПб., 1996. С. 95–98.

Впрочем, в практике изучения творческого наследия Достоевского имеют место и совершенно иные подходы: одна точка зрения, буквально переворачивающая с ног на голову труды Достоевского, сформулирована в литературоведении советского периода. В ней отчётливо прослеживается вынужденная слепота критиков, их замкнутость в границах марксистской идеологии. Ярчайший пример кощунственно-искажённого понимания романов Фёдора Михайловича — статья Б. С. Рюрикова «Ф. М. Достоевский и его роман “Братья Карамазовы”»²⁶, а конкретно, приведённая в ней идея критика о доведении Достоевским мысли о загробной жизни до «грубой жизненной конкретности» с целью отвергнуть чаяния о вечности в принципе.

Порой читатель, хоть и являясь верующим христианином, слишком далёк бывает от того, чтобы в художественном мире Достоевского узреть Бога. Он словно не замечает того, как сам автор последовательно старается донести одну-единственную истину: «На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом»²⁷. И нет здесь ни намёка на «духовную слепоту» автора, на его неведение Бога, что приписывают Достоевскому некоторые современные литературоведы²⁸, но, напротив, видится истинно православный взгляд на мир, сформированный посредством глубокого погружения в текст Библии и святоотеческой письменности²⁹.

Также очень часто приходится слышать, что Достоевский — это, в первую очередь, превосходный «психолог», заглянувший в самую бездну души человека; и в этом, как раз, находят несомненное достоинство и даже новаторство его идей для мировой литературы и для развития психологии как науки. Но почему-то дальше, к вопросу об исцелении мерзкого хитросплетения порочных помыслов в человеческом сознании, исследователи не идут, а остаются в примитивных плоскостях психологии, не способной подняться выше психического уровня анализа человека и увидеть «живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим».

26 Рюриков Б. С. Достоевский и его роман «Братья Карамазовы» // *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы*. М., 1991. С. 8.

27 *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом*. Ч. I–II. М., 1981. С. 406.

28 Быков Д. Л. Двести лет жести // Интернет-портал «Собеседник». №6. 2021. URL: <https://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20210726-dvesti-let-zesti>.

29 *Иларион (Алфеев), митр.* Евангелие Достоевского. С. 156–157.

И потому так ценны труды православных критиков, вполне понимающих метания героев Достоевского и его собственные искания, подходящих к изучению текстов писателя с позиции христианского мировоззрения и доказывающих, что цель автора — не просто обнажить кошмарную тьму действительности, но и победить её Светом: *Я — свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни* (Ин. 8, 12).

Приступая к рассмотрению «Великого Пятикнижия» Достоевского, особенное внимание уделим открывающему этот «цикл» произведению — роману «Преступление и наказание». Роман стал первой работой автора, в которой окончательно утверждается его православное мировоззрение, а также тот вектор развития творчества, в рамках которого он будет писать до самой смерти. В романе встречаются практически все архетипы персонажей, которые Фёдор Михайлович в дальнейшем будет развивать, все темы и художественные методы, и, главное, запечатлены жанр и сюжет, которые не раз будут повторены. Эту цикличность, манеру писать об одном и том же точно уловил и отразил в самой яркой формулировке Митрополит Антоний (Храповицкий) в труде «Пастырское изучение людей и жизни по произведениям Ф. М. Достоевского»: «Возрождение — вот о чём писал Достоевский во всех своих повестях: покаяние и возрождение, грехопадение и исправление, а если нет, то ожесточённое самоубийство»³⁰. Снова усматриваются те самые два состояния бытия человека: со Христом или вне Его.

В основу романа положена евангельская история о воскрешении Лазаря. Как брат Марии и Марфы был болен, а затем умер, так и Раскольников первоначально был только заражён идеей, которая затем вылилась во внешний акт преступления Божьего Закона: он убивает Алёну Ивановну — действительно мерзкую старушонку, после чего наступает его собственная духовная смерть: «Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту чёрт убил, а не я...»³¹.

Родион Раскольников был приверженцем идеи, согласно которой люди делятся на два разряда: низших и высших. Подобное антигуманное, противоестественное и, наконец, антихристианское мировоззрение — причина постепенной гибели главного действующего лица, но в романе Достоевский не ставит цели, как уже было отмечено, показать только

30 Антоний (Храповицкий), митр. Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007. С. 255.

31 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М., 1957. С. 438.

падение и личностное разложение. На контрасте с Раскольниковым, совершившим грех ради себя самого, Достоевский изображает Соню Мармеладову, которая не меньшая грешница, чем Родион, но она — уже *у ног Иисуса* (Лк. 8, 35), и потому «всё величие в романе отдано ей»³².

Соня — это абсолютно евангельский архетип персонажа: она подобна блуднице, которую привели ко Христу книжники и фарисеи, спрашивая, что с такой нужно делать? (Ин. 8, 3–5) Иисус ответил им: *кто из вас без греха, первый брось на неё камень* (Ин. 8, 7). И никто не осудил её, и Господь не осудил. Так и Соня не получает осуждения, потому что являет собой пример истинно верующего человека, проливающего слёзы покаяния, непрестанно сокрушающегося о своих грехах, а «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). «Что ж бы я без Бога-то была?», — утверждает героиня, которая, несмотря ни на какие нападки Раскольникова, всё равно уповает на Господа.

Фёдора Михайловича Достоевского как писателя нередко упрекали в том, что он изображает героев, которые только в своём падении отыскивают Бога, но зададим себе вопрос: как часто мы памятуем о Боге? Увы, но, именно лишь оказавшись на самом краю, перед страшной бездной, человек и способен изо всей силы начать стремиться к Спасителю. «На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения», — пишет Святитель Игнатий Брянчанинов³³. К тому же, сколько примеров показала нам история Церкви, когда Господь открывался особенным образом тем, кто исключительно нуждался в спасении. Вспомним, например, призвание святого апостола Павла (Деян. 9, 1–6.15).

Милосердный Бог праведному говорит: *Сын мой! Ты всегда со мной и всё моё твоё* (Лк. 15, 31–32); а грешников Он *пришёл призвать к покаянию* (Мф. 9, 13), потому что хочет, чтобы *никто <...> не погиб* (Ин. 17, 12). Эта истина так точно выражена Достоевским в его произведениях, потому что и сам автор прошёл через подобное. Также стоит добавить, что герои, познавшие Бога не из состояния отчаяния и падения, тоже присутствуют в романах автора (вспомним хотя бы об Алёше Карамазове).

Соня становится спасением для Раскольникова, которое начинается в тот момент, когда она читает ему ту самую 11 главу из Евангелия от Иоанна. С этого эпизода в романе, со сближения Сони и Раскольникова,

32 Фудель С. И. Явление Христа в современности // Фудель С. И. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Наследство Достоевского. Славянофильство и Церковь. Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских. Начало познания Церкви / сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М., 2005. С. 51.

33 Игнатий (Брянчанинов), свт. Аскетические опыты: в 2 т. Т. 1. М., 2016. С. 749.

по замечательному выражению Сергея Фуделя, «на мировое искусство легла тень от Креста»³⁴. С этой точки зрения русская литература, и, быть может, мировая литература уже не была прежней — и так промыслительное назначение писательского слова в России обнажается полностью.

Раскольников не обращается ко Христу сразу, но начало его воскрешению из мёртвых было положено. Герой только на каторге, наконец, осознает, что за счастье было ему ниспослано в лице Сони и её убеждений, которые отныне не могут не быть его собственными. Для Раскольникова эти семь лет показались, подобно Иакову, трудившемуся у Лавана ради Рахили, за семь дней (Быт. 30, 20). И под подушкой у героя отныне лежит Евангелие, которое ему ещё предстоит открыть.

Далее необходимо, по крайней мере, коснуться романа «Братья Карамазовы». «Братья Карамазовы» — это произведение, в котором библейские мотивы выступают не просто как художественные средства и не как отдельные элементы повествования, движущие сюжет, но как фундамент, как основа всего произведения. Если исключить из «уравнения» произведения метафизическую переменную — рушится вся конструкция, теряется смысл творения. Потому столь неестественными кажутся попытки критиков советского периода взглянуть на произведение лишь под ракурсом уже упомянутой примитивной психологии или, того хуже, попытки приписать Достоевскому темы о классовом неравенстве и гибели деревни периода заката империи³⁵. Это вновь относит нас к проблеме неверного и поверхностного истолкования не только трудов Достоевского, но русской литературы в целом: «Русской литературе часто давали слишком социальное истолкование и проходили мимо её религиозно-метафизической глубины»³⁶.

Единственная по-настоящему важная и, безусловно, центральная тема «Братьев Карамазовых» — это вопрос о бытии Бога — тот вопрос, которым, как замечает сам Достоевский, он «мучился сознательно и бессознательно всю <...> жизнь»³⁷. Будучи подлинным сыном Восточной Церкви, Фёдор Михайлович всё равно в движениях сердца своего замечал присутствие болезни, заставлявшей его постоянно искать подпитку для своих религиозных чувств. И тем искреннее звучат слова его «символа веры»: «верить, что нет ничего <...> совершеннее Христа».

34 Фудель С. И. Явление Христа в современности. С. 51.

35 Рюриков Б. С. Достоевский и его роман «Братья Карамазовы». С. 8.

36 Бердяев Н. А. Дух и реальность. С. 380.

37 Достоевский Ф. М. Письма. 146. А. Н. Майкову. 25 марта (6 апреля) 1870. Дрезден // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15: Письма. СПб., 1996. С. 456.

Достоевский стремился изобразить «положительно прекрасного героя»³⁸, подобного единственному идеалу — Иисусу Христу, затем в планах у автора была отдельная книга, посвящённая Господу непосредственно, однако на этот шаг Достоевский не пошёл. Впрочем, он всё-таки изображает Спасителя в художественном тексте: в «Братьях Карамазовых» Он появляется дважды: в сне Алёши и в «Притче о великом инквизиторе». По замечанию митрополита Илариона (Алфеева), Иисус является в романе фигурой, сокрытой до поры от взора читателя, лишь косвенно присутствующей, но в определённый момент открывающей себя во всём своём величии³⁹ и, можно сказать, Господь являет собой ключ к разрешению всех загадок романа: произведение христоцентрично. Без человечества и божества Иисуса Христа не разъяснить и не ответить на «инквизитора», в котором, как отмечал сам Фёдор Михайлович, положено огромной «силы отрицание Бога»⁴⁰; без Христа не ясен замысел автора по внедрению старца Зосимы в роман, не ясен и образ Алёши, которого автор называет «на всю жизнь бойцом»⁴¹. Читатель, что всматривается в строки «Братьев Карамазовых» или любого другого романа Достоевского, в диалогах персонажей подмечает прямое цитирование Священного Писания или видит сходство в «Поучениях старца Зосимы» со святоотеческой письменностью, — тот прочитывает произведение в том контексте, который и задумывался автором.

С Достоевского Священное Писание смело и открыто «вливается» в художественный текст, чтобы в нём сохраниться. Фёдор Михайлович не мог не предвидеть страшного будущего, которое постигнет Россию и православие в ней, ведь он первый увидел в революции богоборческий, в первую очередь, характер. Несомненно, в этом автор, как верно замечает ряд исследователей его творчества⁴², — истинный пророк в нашем отечестве, ведь все его произведения — это открытая проповедь Евангелия, вся жизнь автора — стремление к чистой вере во Христа как истинного Бога и истинного человека. И, пожалуй, квинтэссенцией проповеди автора является уже упомянутая глава из «Братьев

38 Достоевский Ф. М. Письма. 124. С. А. Ивановой. 1 (13) января 1868. Женева // *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: в 15 т. Т. 15: Письма. СПб., 1996. С. 343.

39 *Иларион (Алфеев), митр.* Евангелие Достоевского. С. 197.

40 Достоевский Ф. М. Заметки из записной книжки. Карамазовы // Ф. М. Достоевский об искусстве. С. 462.

41 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ч. III–IV. М., 1991. С. 49.

42 *Мережковский Д. С.* Пророк Русской революции // *Мережковский Д. С.* Лица. Критические статьи о литературе. Т. 1. С. 29; *Иларион (Алфеев), митр.* Евангелие Достоевского. С. 223.

Карамазовых», в которой старец Зосима, сидя за одним столом с Господом на браке в Кане Галилейской, обращается к Алёше со следующими словами: «Не бойся Его. Страшен величием пред нами, ужасен высотой Своею, но милостив бесконечно, нам из любви уподобился...»⁴³. Вот то самое живое и верное изображение Спасителя, к которому стремился Достоевский всю свою творческую жизнь.

Богу было угодно закончить творческий путь автора на светлой третьей главе эпилога «Карамазовых», где Коля Красоткин, подросток, гордо называвший себя социалистом, обращается к Алёше с вопросом касательно действительности всеобщего воскресения в том ключе, в каком учит православная вера. Алёша ответил утвердительно, и Коля от счастья воскликнул: «Ах как это будет хорошо!»⁴⁴. Нет сомнения, что Достоевский знал, что за всеми скорбями, которые предстоят миру и каждому человеку отдельно, следует встреча со Христом — Тем, Кто целует в уста инквизитора и уходит, потому что Он безмерно выше всего того, что тот ему говорил, касаясь предметов, вполне земных, тленных и преходящих. Царство Христа — *не от мира сего* (Ин. 18, 36), к нему-то и стремился Достоевский, правды этого Царствия он искал прежде всего, помня слова Господа, о которых, вероятно, и Алёша вспомнил, когда ответил Ивану: «Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того»⁴⁵. Эти слова Христа таковы: *В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир* (Ин. 16, 33).

И наконец, обратимся к творчеству Бориса Леонидовича Пастернака. Пожалуй, именно в наследии Пастернака воплощено ярче всего продолжение слияния русской словесности и христианства. Главное произведение автора — это, конечно, роман «Доктор Живаго». Посмотрим на него с перспективы христианской, но коснёмся лишь поэтического цикла, который является ключом к осмыслению всего текста.

Нет сомнения, что Пастернак, подобно Достоевскому, стремился изобразить хриstopодобное действующее лицо. Юрий Живаго — это хриstopодобный герой XX века. Его сходство со Спасителем заключается лишь в одном: в смиренном принятии тягот, обрушивающихся на плечи. Господь в Гефсиманском саду молился следующими словами: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф. 26, 39). Именно эти слова Спасителя особенно воспринял Юрий Живаго — персонаж автобиографичный. В поэтическом сборнике,

43 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. III–IV. С. 406.

44 Там же. С. 524.

45 Там же. Ч. I–II. С. 335.

написанном им, заключается объяснение его кажущейся пассивности в действиях: порой при чтении прозаической части произведения кажется, будто героя, как на волнах, несёт история: события он словно пропускает через себя, никак не влияя на их развитие. Но в стихотворениях герой раскрывается по-иному: уже в «Гамлете»⁴⁶ обнажается подлинно христианское мироощущение главного действующего лица. Юрий в эпоху перемен не утратил веру, свою скорбь он сравнивает со скорбью, какую испытывал Христос по Своему человечеству перед самым моментом Его ареста.

Главная мысль произведения — бессмертие. Существует мнение, что Пастернак бессмертие рассматривает не с позиции христианской догматики, которая говорит о действительном бессмертии души, о неуничтожимости личности, о жизни души по разделении её с телом, а с позиции бессмертия личности человека в его творческом наследии. На это намекает и финал романа: друзья Юрия в период Великой Отечественной войны читают стихотворения Живаго, те самые, что венчают роман. В этом контексте, конечно, нельзя говорить о подлинном бессмертии, о Воскресении. С такого ракурса на «Доктора Живаго» смотрел, например, Михаил Михайлович Дунаев — православный исследователь, который, однако, не считал роман Пастернака истинно христианским: он отмечал, что идея воскресения и её интерпретация в понимании Юрия слишком далека от Бога: «Бог так чувствовать не может, тут слишком очеловеченное мироощущение отразилось»⁴⁷. В такой позиции есть доля правды, однако как в таком случае рассматривать «Гефсиманский сад» — венец светской религиозной поэзии?

Стихотворение завершает все искания русской литературы в области христианства. Текст Пастернака местами полностью тождествен Евангелию. В строках «Гефсиманского сада» — оправдание самого романа, признание того, что религия — это основа культуры и литературы в особенности, и в них, пожалуй, всё-таки виден Христос, потому что более яркого Его явления и торжества над всеми ужасами мира в русской литературе XX века нет.

Разве не заметна иная точка зрения на роман? Как свидетельствует апостол Павел, Христос «уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек» (Флп. 2, 7–8). Не возвеличивание личности, не приравнивание её к Богу,

46 Пастернак Б. Л. Гамлет // Пастернак Б. Л. «Свеча горела...»: стихотворения. СПб., 2019. С. 253.

47 Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. VI/1. С. 227.

но разделение своих страданий со страстями Христа — вот что было существенно для Пастернака и героя его романа. В XX веке Борис Леонидович эту истину напоминает всему человечеству. И, главное, он напоминает кое-что ещё, что со времён Достоевского из умов многих людей исчезло: «Я в гроб сойду и в третий день восстану, // И, как сплавляют по реке плоты, // Ко мне на суд, как баржи каравана, // Столетия поплывут из темноты»⁴⁸.

Слишком, напротив, несвойственные человеку слова — свойственные только Богу. Да, человеческое начало отчётливо видно в произведении, но разве Сам Господь не был и истинным человеком? А божественная сущность Христа не менее ярко отражена в стихотворении, и с нею Юрий Живаго себя соотносить не может никак: слишком сильна была вера в нём, слишком велик для него был Христос, что явствует из другого стихотворения — «Рассвет».

Обилие библейских мотивов, прямых цитат из Священного Писания, и, как ни странно, догматически верных положений в поэтическом корпусе произведения, а также вновь местами несуразное и эстетически не воспринимаемое без образа Христа наполнение прозаической части произведения позволяют отнести роман Бориса Леонидовича Пастернака всё-таки в сокровищницу русской христианской литературы, а не в сферу «обычного гуманизма — в обычной интеллигентской интерпретации»⁴⁹.

К какому итогу можно прийти в заключение? Русская классическая литература действительно «ранена христианской темой», ведь ею были «ранены» в большей или меньшей степени все писатели: и те, которые приведены в данной работе, и те, о которых «не достанет <...> времени повествовать» (Евр. 11, 32). Все они — богоискатели. Кто-то из них принадлежал до гроба к православной Церкви, кто-то отпал, но, так или иначе, вопрос о смысле жизни для них был однозначно решён: без Бога жизни нет. Творчество отечественных авторов — это в подавляющем большинстве случаев открытая проповедь Христа и Его Церкви. И более всех прочих в этом деле «потрудились» Достоевский⁵⁰ — главный русский пророк и апостол Христов.

Русская классическая литература для огромного числа людей стала проводником ко Христу. Однажды взявши в руки книгу Достоевского, или Пушкина, или Чехова, читатель, даже если он ничего до этого

48 Пастернак Б. Л. Гефсиманский сад // Пастернак Б. Л. «Свеча горела...». С. 305.

49 Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. VI/1. С. 227.

50 Бердяев Н. А. Дух и реальность. С. 380.

не знал об учении христианства, так или иначе столкнётся с ним, а если в нём найдётся сколько-нибудь силы, стремления и от всего сердца идущего чувства живого искания истины, то он непременно откроет след за, скажем, рассказом Чехова «Студент» и Евангельский текст. И так произведения любимых авторов будут сиять уже не блеском виртуозного построения предложений и проникновенности подобранных слов, но блеском, сокрытым для чуждых веры глаз, — светом лика Христа. А от этого непреходящего Света сама жизнь изменится навсегда.

Источники

- Августин Аврелий* Исповедь / пер. с лат. Д. Подгурский. М.: АСТ, 2020.
- Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ч. 1–2, 3–4. М.: Правда, 1981.
- Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957.
- Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 15: Письма. СПб.: Наука, 1996.
- Игнатий (Брянчанинов), свт.* Аскетические опыты: в 2 т. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2016. Т. 1.
- Лермонтов М. Ю.* Смерть поэта: стихотворения, поэмы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2020.
- Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени // *Лермонтов М. Ю.* Сочинения. М.: Правда, 1990.
- Пастернак Б. Л.* «Свеча горела...»: стихотворения. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019.
- Пушкин А. С.* Стихотворения: 1826–1836 // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1949.
- Пушкин А. С.* Станционный смотритель // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1949.
- Ф. М. Достоевский об искусстве: статьи и рецензии, отрывки из «Дневника писателя», письма, из записных тетрадей и записных книжек, из художественных произведений, из воспоминаний о Ф. М. Достоевском / сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Богданова. М.: Искусство, 1973.*

Литература

- Анастасий (Грибановский), митр.* Пушкин в его отношении к религии и Православной вере. Мюнхен, 1999.
- Антоний (Храповицкий), митр.* Избранные труды. Письма. Материалы. М., 2007.
- Бердяев Н. А.* Дух и реальность: основы богочеловеческой духовности. Минск: Изд. Белорусского Экзархата, 2011.

- Быков Д. Л.* Двести лет жести // Интернет-портал «Собеседник». №6. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sobesednik.ru/kultura-i-tv/20210726-dvesti-let-zesti> (дата обращения: 22.06.2022).
- Дунаев М. М.* Православие и русская литература в 6 ч. М.: Христианская литература, 2001.
- Злобин Ю. В.* Николай Гумилёв. М.: Вече, 2013.
- Иларион (Алфеев), митр.* Евангелие Достоевского. М.: Познание, 2021.
- Мережковский Д. С.* Лица. Критические статьи о литературе. Т. 1. М.: Т8 Rugram, 2018.
- Нестор (Кумыш), игум.* Тайна Лермонтова. СПб.: Библиополис, 2012.
- Рюриков Б. С.* Достоевский и его роман «Братья Карамазовы» // Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. М.: Правда, 1991.
- Фудель С. И.* Явление Христа в современности // *Фудель С. И.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2005.